

ПРИШЛА БЕДА – ОТВОРИЙ ВОРОТА

Когда к власти приходят сукины дети, собачья
Жизнь начинается у всех.

В. Шендерович

Всё сметено могучим ураганом, и нам с тобой
осталось кочевать.

Цыганский романс.

Когда Виктор въехал на территорию дачного участка, у дверей дома его встретила крайне встревоженная тёща.

-Витя, дед пропал!

-Как пропал?

-Он полдня поролся в сарае, что-то чинил, ругался, а когда я пошла в дом готовить обед, пропал. Уже больше часа его нет. Я очень беспокоюсь. Ещё месяц не прошёл, как он из больницы вышел. Соседи видели, как он пошёл по дороге. Поищи его, пожалуйста.

Виктор выехал на дорогу и проехал километра полтора – два, когда увидел вдали пропавшего тестя. Как бурлак на Волге, он с трудом тащил огромную шпалу, поминутно останавливаясь, чтобы перевести дух.

-Михал Петрович, что Вы творите? У Вас же больное сердце. На кой чёрт Вам такая громадина?

-Это самое то, что мне нужно для ремонта сарая. Если я его сейчас не починю, то он к весне развалится.

-Какой сарай, какой ремонт? О чём Вы говорите? Посмотрите по сторонам. Фактически идёт война. Мы скоро не сможем сюда добираться. Меня патрули по дороге уже два раза останавливали.

-Это ещё не война. Ты настоящей войны не видел. Эта буча скоро закончится, и дача нам тогда особенно пригодится. Будет, что зимой жрать. Ладно, хватит болтать. Грузи шпалу и поехали.

Виктор с трудом загрузил шпалу в багажник, удивляясь, как мог больной старик тащить такую тяжесть. Возле дома их встречала Наталья Семёновна.

-Ну, слава Богу, нашёлся! Я уже вся извелась. Где ты пропадал?

Но, увидев торчащую из багажника шпалу, всплеснула руками, заохала и принялась ругать старого дурака, который не ведает, что творит.

-Нам надо торопиться, - прервал поток её красноречия Виктор, - скоро мы уже не сможем проехать.

-Так я уже давно жду. Всё готово, обед на столе, кушайте да поедем. Насыпайте борща.

Все дружно принялись за еду.

-Нинка приходила, - вспомнила Наталья Семёновна.

-Что она хотела? – насторожился Михаил Петрович.

-Соль спрашивала. Говорит, Толик приехал со своими титушками, гулять будут. Навезли ей шмоток разных, украшений. Я думаю, что она просто пришла похвастаться своими обновками.

Михаил Петрович раздражённо поморщился. С семьёй этих соседей у него были сложные отношения. Со Степаном, Нинкиным мужем, Михаил Петрович многие годы были приятелями. Одногодки, они росли в одном детском доме, учились в одном классе, в одно время ушли в армию и одновременно вернулись. Потом работали в одной бригаде на военном заводе, женились, получили квартиры в одном доме, и даже дачные участки у них оказались рядом. Какое-то время они дружили семьями, ходили друг к другу в гости, помогали строить дачные домики. Но постепенно эта дружба стала сходить на нет. И всё из-за Нинки. Её отец был запойным пьяницей, да и Нинка была не прочь выпить. Не мудрено, что в таком окружении Степан стал тоже выпивать лишнее. Это сказывалось на его работе и отношении к людям. Михаил Петрович тоже мог выпить, но знал меру. И в то время, как Степан, постоянно получавший административные взыскания, оставался простым слесарем, Михаил Петрович уверенно продвигался по служебной лестнице и через какое –то время стал Главным Механиком завода. Такую «несправедливость» Нинка выдержать не могла. Завистливая и конфликтная, она не упускала случая сделать какую –нибудь пакость более удачливым соседям, и те старались по возможности избегать неприятного общения. Положение усугубилось после того, как дочь Нинки уехала с любовником на Север, бросив своего сына Толика на попечение родителей. В течение многих лет она так и не появлялась дома ни разу, и Толик вырос без отца и матери. Дедушка с бабушкой жалели его и сильно баловали, особенно бабушка. И если деда Толик немного побаивался, то с бабушкой мог делать всё, что угодно. А дед спивался всё больше и больше. Михаил Петрович по старой дружбе пытался говорить с ним на эту тему, объяснял, что это плохо кончится. Степан каялся, обещал «завязать», но всякий раз срывался и продолжал пить. Работать он тоже стал хуже. Халтурил, устраивал длительные перекуры, ввязывался в скандалы и драки. Его давно надо было уволить, но Михаил Петрович его всячески выгораживал, надеясь, что он всё-таки образумится. И дождался трагедии. Однажды, во время работы в ночную смену Степан со своим напарником,

таким же любителем выпивки, раздобыли где-то спиртное, изрядно выпили и, будучи совершенно пьяными, неудачно закрепили транспортируемый краном агрегат. Груз во время транспортировки сорвался и упал на Степана, который скончался на месте. По факту несчастного случая было возбуждено уголовное дело. Михаил Петрович получил год условно и лишился должности. После смерти деда Толик окончательно отбился от рук. Он бросил школу, связался с криминальной компанией, участвовал в драках и попойках. Михаилу Петровичу приходилось по просьбам Нинки неоднократно вызволять его из отделения милиции, где он оказывался после очередных «подвигов». Он даже устроил его на работу в свою бригаду, но тот работать не хотел и вскоре уволился под предлогом предстоящей службы в армии. Однако, от армии он также сумел «откосить». Говорили, что в этом ему помогли его криминальные дружки. Поболтавшись без работы несколько месяцев, он наконец устроился грузчиком в крупный продуктовый магазин. А в 2012 году он вдруг пропал. Нинка говорила, что он перебрался в Харьков, где обзавёлся подружкой, активисткой партии Регионов. Через год он опять объявился в Донецке. Во времена Майдана неоднократно ездил в Киев, как он говорил, бить фашистов, неплохо при этом зарабатывая. Судя по всему, он там сумел отличиться и возглавил группу «титушек» из числа его бывших друзей. Эта группа стала активно участвовать и в сепаратистском движении. Они нападали на участников проукраинских митингов и шествий, избивали их палками, битами, цепями. Их рвение не осталось незамеченным, и вскоре у них появилось и более серьезное оружие. Теперь Толик почувствовал себя большим человеком. При встречах с Михаилом Петровичем и членами его семьи он стал здороваться демонстративно небрежно. А те в свою очередь всячески старались избегать каких-либо контактов с ним.

Эти мысли, ухудшившие и без того плохое настроение и окончательно испортившие аппетит Михаила Петровича, были прерваны звуками отдалённой канонады.

-Это в аэропорту, - сказал Михаил Петрович, - давайте закругляться и поехали.

Виктор пошёл готовить машину, а Михаил Петрович вышел во двор и с тоской оглядел свой участок. Здесь всё было в образцовом порядке. Сад и огород в основном досматривала его жена, а всё остальное было создано его руками. Дочь и зять, конечно, помогали, но без особого рвения. Зять вообще заявлял, что овощи и фрукты было бы дешевле и проще покупать на

рынке, чем уродоваться на грядках. А для Михаила Петровича его дача была не просто загородным домом, а символом благополучия и защищённости. Правильно кто-то сказал, что мой дом – моя крепость. Война лишила Мишу родителей и родного дома. Отца он видел в последний раз в июне 1941 года на вокзале, когда он провожал их с мамой. Они ехали погостить к маминой сестре, которая находилась с мужем на территории воинской части под Львовом. Там их и застала война. Местные националисты убили маму и тётю и перебили всех членов семей военнослужащих. Шестилетнему Мише и его десятилетней двоюродной сестре Рае удалось спрятаться. Много дней они скитались по Украине, стараясь добраться до родного Сталино. Питались, чем придётся. Просили подаяние. Иногда им подавали, иногда прогоняли. Порой дети забирались в чужие огороды, и им за это изрядно доставалось. По дороге Раечка заболела и умерла. Мише повезло больше. Его подобрал беженцы, идущие на восток. Они помогли ему добраться до родного города и передали его дальним родственникам отца. Те рассказали, что отца призвали в армию, и помогли найти родную сестру отца, жившую в пригородном посёлке. Тётка согласилась принять мальчишку. Но с ним она не очень церемонилась. Он должен был нянчить тёткиного ребёнка, помогать ей по дому и в огороде. И кормили его в последнюю очередь. В таких условиях он пережил оккупацию. За это время ребёнок подрос, и тётка посчитала, что теперь ей Миша больше не нужен, и отдала его в детский дом. Из этого своего несчастного детства Миша вынес постоянное чувство голода и стойкую ненависть к бандеровцам и вообще ко всем «западникам». И понимание того, что выжить в трудное военное время удалось благодаря подсобному хозяйству. И как только появилась возможность, он взял дачный участок и принялся строить, вкладывая все силы и средства. А так как этих средств у него было не много, строительство растянулось на долгие годы. Жена его активно в этом поддерживала. На их участке не оставалось ни одного невозделанного клочка земли. И вот теперь, когда они достигли всего, о чём они так мечтали, всё может в одночасье рухнуть. А что следует ему сейчас делать, он не знал и впервые за последние годы растерялся. Михаил Петрович был настоящим советским человеком. По своим взглядам он мало отличался от своего окружения. Ещё во время срочной службы в армии он вступил в партию и был активным общественником. Он свято верил всему, что говорилось в центральных средствах массовой информации, считал, что все угрозы стране исходят от НАТО, и искренне ненавидел немцев и кровавых американцев. В то же время он храбро критиковал местное

начальство и после 35 лет членства в партии положил свой партбилет, защищая несправедливо преследуемого товарища. Тогда его поступок был ещё чреват большими неприятностями. На референдуме он голосовал за сохранение Советского Союза и был противником западного выбора страны. Но при этом всегда считал Донбасс неотъемлемой частью Украины. Как и большинство его товарищей, он нещадно ругал всех украинских президентов. Впрочем, всех донецких политиков он тоже ругал, но всегда голосовал за них на выборах. Молодая часть этой семьи в лице дочери, зятя и внучки не понимали, как можно поддерживать воровские кланы, откровенно грабящие страну. Зять, в прошлом заслуженный шахтёр республики, создавший после выхода на пенсию свой небольшой бизнес, тщетно пытался открыть ему глаза на существующую действительность. Он говорил, что ставленники семейства Януковича захватили ключевые посты в области и пытаются подмять под себя все бизнесы.

-А что, придут другие, будет лучше? – кричал в ответ Михаил Петрович, - Ющик – бандеровец, Юля – воровка, а Янукович, хоть тоже не подарок, но он свой донецкий парень. А то, что он хулиганил, сидел, так это по молодости. С кем не бывает?

Казалось, изменить его железобетонную позицию невозможно никакими доводами. Но жизнь порой может всё поменять коренным образом. Любимая внучка Анечка вышла замуж. Её избранник сразу всем понравился. Высокий, симпатичный, спокойный, обеспеченный, талантливый программист. Молодые зажили душа в душу год в его харьковской квартире, и бабушка стала всё настойчивей намекать на то, что пора бы сделать её прабабушкой. Но вместо этого новый зять заключил договор с американской фирмой и увёз внучку в Нью-Йорк. Они сняли квартиру в русском районе Бруклина недалеко от Океана. Зять купил машину и ездил на работу в Лонг-Айленд, а Анечка поступила в колледж. Старики были в шоке от того, что любимая внучка оказалась в логове врага. И даже после того, как дочка Лиза побывала в гостях в Нью-Йорке и вернулась в полнейшем восторге, настроение у стариков не изменилось. Когда внучка прислала деньги и приглашение деду посетить Америку, дед долго упирался и ехать категорически отказывался. Однако, под напором всей семьи всё же сдался, съездил в Киев, оформил визу и отбыл в зарубежный вояж. В Бруклине он быстро освоился, так как по улицам ходили бывшие соотечественники и звучала русская речь. Петрович обошёл все окрестные магазины, изучил цены и даже приобрёл несколько дефицитных на родине инструментов. Но

большую часть времени он проводил на пляже. Там он познакомился с несколькими бывшими земляками и даже подружился с пожилым сербом, который сносно говорил по-русски. А тот познакомил его со своими друзьями – американцами. Благодаря общению с ними Петрович с удивлением узнал, что рядовых американцев Россия и её проблемы интересуют очень мало, а Украина и того меньше. Они даже плохо представляли, где она находится. Приходилось пояснять, что она находится между Россией и Польшей. О Донбассе они просто не слыхали. А речи о претензиях на его природные богатства вызывали полное недоумение. Особое восхищение вызывало у Михаила Петровича отношение американского общества к старикам и инвалидам, наличие большого количества устройств и приспособлений, облегчающих работу и быт, изобилие продуктов питания, хотя здешним овощам и фруктам, по его мнению, было далеко до тех, которые он выращивал на своей даче. В результате, к концу его «Американских каникул» его мнение об Америке изменилось коренным образом. Вернувшись домой, он заявил своим домочадцам:

-Раньше я Америку ненавидел, а теперь я её люблю!

Постепенно и остальные члены семьи оформили въездные визы, и поездки в Бруклин стали обычным и приятным делом. А так как внучка регулярно поддерживала родню материально, в семье стали появляться дополнительные деньги. Благодаря этому дочь с зятем сделали в квартире шикарный «евроремонт» и обставились новой мебелью. А дедушка с бабушкой решили свои деньги не тратить, а собирать их для лечения Михаила Петровича. У него уже давно были серьёзные проблемы с сердцем, и помочь ему могла лишь дорогостоящая операция. И когда уже была собрана минимально необходимая сумма денег и в Киевской клинике подходила очередь на операцию, грянули бурные события: Евромайдан, бегство Януковича, Крым, сепаратисты, «Лугандония». В таких условиях проведение операции отодвинулось на неопределённое время. К тому же бурные политические страсти, охватившие общество, заставили как бы забыть на время о всех болячках и хворях. Как и в прошлом, по оценке происходящих событий семья опять разделилась пополам. Главными оппонентами в семейном политическом противостоянии теперь уже оказались очень схожие по характеру Михаил Петрович и дочь Лиза. Наталья Семёновна, всегда разделявшая взгляды мужа, оставалась в спорах на вторых ролях. А Виктор, учитывая накал страстей и не желая стать врагом в

доме , предпочитал не участвовать в дискуссиях, справедливо полагая, что позволенные дочери, могут не простить зятю. В оценке всех текущих событий отец и дочь оказывались на прямо противоположных позициях. Спорили страстно, громко и не совсем корректно. И постепенно, когда эмоции начинали перехлёстывать через край, отец принимался напоминать сколько хорошего он сделал для дочери и её семьи, и как она теперь ответила ему чёрной неблагодарностью. Обычно спор заканчивался фразой:

-Так ты, дочушка, благодаришь родителей за всё, что мы для тебя сделали? Когда я помру, ты ко мне на могилу не приходи!
«Неблагодарная дочушка» хлопала дверью и уверяла, что ноги её в этом доме не будет. Но несущиеся с огромной скоростью и постоянно меняющиеся события толкали к новым страстным дискуссиям, хоть и несколько изменили позиции сторон. Расстрел «Небесной Сотни», позорное бегство Януковича и его ближайшего окружения, информация об их дворцах и сокровищах потрясли Михаила Петровича. Прежнее руководство Республики перестало для него существовать. Хоть Крым он всегда считал символом русской славы, то, как он был присоединён к России, вызвало у него чувство протеста. Так же, как и захват административных зданий на Донбассе в апреле 2014 года, где активную роль играли такие отморозки, как Толик. Окончательная переоценка ценностей произошла, когда на улицах Донецка появились бородатые кавказцы и стали устанавливать свои порядки. Квартиры Петровича и «дочушки» располагались недалеко друг от друга на магистрали, ведущей к Донецкому аэропорту. Рядом с ними ещё весной был установлен блок-пост, который охраняли эти кавказцы. Они стали настоящим бедствием для жителей соседних домов, которых раздражали многократные проверки документов, досмотры, обыски, грубые окрики. Молодые женщины вообще старались не проходить мимо них в одиночку. Однажды вечером Михаил Петрович возвращался домой с покупками. Около дома он увидел, как двое кавказцев делают вид, что обыскивают крупную молодуху, а на самом деле просто тискают её, хватая за разные аппетитные места. Женщина отбивалась, как могла, и громко кричала:

-Руки, убери руки, скотина!

А парней эти крики только раззадоривали. Стоящий неподалёку их товарищ, с интересом наблюдавший за происходящим, весело подбадривал их на незнакомом языке. Михаил Петрович бросился на помощь к женщине.

-Вы что, охренели? Что вы творите? – прокричал он на бегу.

Когда он поровнялся с третьим кавказцем, тот молча хлестанул его кулаком по лицу. Старик упал. У него был разбит нос, рассечены губы, зубной протез вывалился изо рта на землю. Это почему-то очень развеселило кавказцев. Глядя, как старик, обливаясь кровью, ползает на четвереньках по грязной земле в поисках своего протеза, они громко хохотали и, повидимому, отпускали шуточки на своем языке. Женщина, воспользовавшись ситуацией, вырвалась и забежала в дом, а кавказцы, насмеявшись, повернулись и направились к блок-посту. Старик, подобрав свой протез и рассыпавшиеся продукты, с трудом встал и пошёл к дому. Это происшествие живо напомнило ему поведение немецких оккупантов во время войны. Теперь у него не осталось сомнений на чьей он стороне.

Горькие воспоминания заставили Михаила Петровича вернуться к реальной действительности и вспомнить, что он ещё на даче и надо срочно возвращаться домой, иначе неприятностей на блок-постах не избежать. Прислушавшись к усилившемуся гулу отдалённой канонады, он подумал, что Витя, увы, был совершенно прав. Не надо было уродоваться с этой проклятой шпалой. Она ему, конечно, уже не понадобится. И не известно, сумеет ли он вообще ещё раз вернуться на эту дачу.

-Ну что же, что будет, то будет! – неожиданно для себя произнёс он вслух.

И с этими словами он уселся в машину, где его уже ждали жена и зять. По дороге домой у него начало прихватывать сердце. Зять увидел его побагровевшее лицо и опустил окна по обеим сторонам машины. Стало легче дышать, и Михаил Петрович постепенно пришёл в себя. Дальнейшая поездка проходила без особых проблем. Машину несколько раз останавливали на блок-постах, бегло досматривали, но серьёзно не придирались. Подъехали к дому. Наталья Семёновна с зятем принялись разгружать машину, а Михаил Петрович стал с трудом взбираться на свой третий этаж, останавливаясь передохнуть на каждой лестничной площадке. Когда он был уже у цели, его догнал Виктор, увешанный многочисленными сумками. На площадку своего этажа они вступили одновременно и застыли в недоумении. В глаза сразу бросилась открытая изуродованная дверь квартиры. На негнущихся ногах Михаил Петрович вошёл в свою квартиру и ахнул. Там царил полный хаос. На полу валялась одежда, постельные принадлежности, книги. Его взгляд остановился на пустой шкатулке и валяющейся неподалёку от неё большой металлической банке из-под импортного печенья. В шкатулке жена держала свои украшения, а в банке

хранились все валютные сбережения, предназначенные для оплаты операции на сердце. Банку Михаил Петрович прятал в специально оборудованном тайнике. Увы, грабители разыскали и его. Было очевидно, что работали умелые люди, знающие, что они ищут, и уверенные, что им никто не помешает. Несколько минут Михаил Петрович молча разглядывал разгромленную квартиру, потом, повернувшись к зятю, растерянно спросил:

-Как же это так, Витя?

И, недождавшись ответа, поднял валявшийся на полу стул и сел на него, беззвучно шевеля губами. В это время, громко споря, в квартиру вошли Наталья Семёновна и Лиза. Увидев царившую в квартире разруху, обе женщины воскликнули в один голос:

-Что случилось, Витя?

Виктор молча показал рукой на валяющиеся на полу вещи. Осознав, что произошло, Наталья Семёновна зарыдала и, громко причитая, принялась бегать по квартире, заглядывая в опустевшие ящики и шкафы. Виктор и Лиза устремились к ней, тщетно пытаясь её успокоить. И вдруг они услышали странный звук – не то хрип, не то всхлип, и увидели, как Михаил Петрович стал медленно заваливаться набок, а затем рухнул на пол. Прибывшая почти через час скорая помощь констатировала смерть. Похоронить человека в сложившейся обстановке оказалось делом крайне сложным, утомительным и дорогостоящим. Всюду приходилось платить. К тому же, ближайшее к дому Иверское кладбище находилось в зоне противостояния сепаратистов и украинских вооружённых сил. По дороге было необходимо проезжать через несколько блок-постов. Виктор вынужден был заранее их объехать и договориться с командирами, кое – где приплачивая, кое-где проставляя. Провожать покойного собрались только самые близкие люди, а на кладбище смогли поехать только члены семьи. На похороны были потрачены все имеющиеся в семье сбережения, и только помощь дочери Анечки помогла семье как-то выжить. Когда суэта вокруг трагических событий последних дней улеглась, а боль от неожиданной кончины резкого, взрывного, упрямого, но всё же очень уважаемого тестя несколько притупилась, Виктор всё чаще стал задумываться, как могло произойти такое дерзкое ограбление среди белого дня в большом доме, где на лестничной клетке находилось ещё три квартиры и мимо могли пройти жильцы с четвёртого и пятого этажей. Да и снизу могли подойти соседи, услышав сильный шум. Грабители явно знали, что в такое тёплое летнее воскресенье все жильцы подъезда находятся на дачных участках, благо все квартиры в этом подъезде

получили работники одного завода, ставшие также членами одного дачного кооператива. Без сомнения, наводчиком или даже участником ограбления был кто-то из своих. Да и про деньги из Америки знали только свои. После долгих размышлений Виктор пришёл к выводу, что таким человеком скорее всего мог быть Толик. Он поделился своими мыслями с женой. И она призналась, что тоже грешит на Толика. Но как это можно доказать? А если и докажешь, то где найти на него управу? Он и такие, как он, по большей части пьяницы, уголовники, неудачники, люди не состоявшиеся в прошлом, сейчас очень востребованы. Им дали в руки оружие, и они являются опорой нынешней власти. Для них нет никаких законов, они могут безнаказано убивать и грабить. Остаётся только ждать и надеяться на возвращение нормальной жизни. Только перспективы быстрого наступления нормальной жизни становились всё более призрачными.

А тем временем боевые действия между украинскими вооружёнными силами и сепаратистами активизировались, и район, где проживала семья Виктора, превратился в зону интенсивного военного противостояния. Около дома Виктора была размещена установка «Град», а под крышей соседнего дома оборудована пулемётная точка. Не было сомнения, что этот район окажется под обстрелом. Поэтому жильцы окрестных домов были встревожены до крайности и задумывались, куда можно перебраться из опасного места. И только Наталья Семёновна не реагировала на происходящее. После смерти мужа она впала в тяжёлую депрессию. У неё периодически прихватывало сердце, и тогда она лежала в кровати, отказывалась от еды и не хотела ни с кем разговаривать. Когда сердечные приступы проходили, у неё наступал приступ активности. Она начинала томиться и рваться на дачу. Никакие доводы дочери и зятя она не воспринимала. О том, что идёт война, что дача находится в зоне обстрелов, она слушать не хотела. Она твердила, что они с Мишей жизнь положили на эту дачу, что надо проверить её состояние и снять помидоры и перцы. Как – то она встретила в подъезде соседа Егорыча. Он сказал, что договорился с племянником, который завтра поедет на грузовике мимо их дачного посёлка и может подбросить за небольшую плату всех желающих до посёлка, а вечером забрать их обратно. Уже пять соседок согласились ехать. Наталья Семёновна решила к ним присоединиться. На следующий день, никого не предупредив, она, взяв небольшую «собойку», отправилась на дачу. До дачного посёлка они добрались без приключений и разбрелись по своим участкам. Оказавшись в привычной обстановке, Наталья Семёновна с

удовольствием принялась за работу. Урожай в этом году выдался отменный. Она наполнила одно ведро помидорами, второе ведро перцами, пополюла грядки и решила перекусить. Выложив привезенную еду на тарелку, она нарезала помидор и огурец, и присела за стол, стоящий в тени дома. Стол, покрытый красивым голубым пластиком, сработанный Михаилом Петровичем, был добротный и удобный, как и всё, что он делал. Впервые за весь день Наталья Семёновна смогла наконец расслабиться и осмотреться. Зной уже спал, лёгкий ветерок покачивал листву. Вокруг было тихо – тихо, только было слышно, как жужжат пчёлы. Одна из них опустилась на стол и быстро поползла к тарелке с едой. Наталья Семёновна смахнула её со стола, и пчела, упав на землю на спину, закрутилась на месте. Наконец ей удалось перевернуться, и она полетела прочь. Наталья Семёновна засмеялась и вдруг почувствовала умиротворение, как-будто и не было этих ужасных событий последних месяцев. Но в это время над головой что-то завизжало, раздался громкий взрыв и на соседнем участке вырос столб земли. Наталья Семёновна заметалась, не зная, куда бежать. А взрывы продолжались то в одном, то в другом месте. Вдали показался испуганный Егорыч, который махал рукой и громко кричал:

-Война! Тикай отсюда!

Увидев, что Наталья Семёновна подхватила два ведра крикнул ей:

-Дура, бросай всё и тикай!

Но та, откуда только силы взялись, всё же захватила одно из ведер и, втянув голову в плечи и спотыкаясь на каждом шагу и задыхаясь, потрусила за ним. До границы участка она добралась совершенно обессиленной и остановилась, чтобы передохнуть. Тут она вспомнила, что не заперла двери дома и собралась повернуть обратно. Но в этот момент раздался резкий противный вой, затем оглушительный взрыв, и она увидела, как за её домом в воздух взлетели комья земли, злополучная шпала и обломки сарая, а недалеко от неё на землю посыпались ветки их любимой черешни, срубленные осколками. Почти теряя сознание от страха, но не выпуская ведра из рук, она выбралась за пределы посёлка. Там в канаве возле кольцевой дороги уже собрались все остальные горе-дачники. Они просидели там, дрожа от ужаса, вскрикивая и прижимаясь к земле при каждом очередном взрыве, несколько часов. Наконец, когда стрельба потихоньку стала стихать, появился долгожданный грузовик. Перепуганные насмерть дачники были счастливы, что могут покинуть опасное место. Когда она, оборванная, грязная и совершенно обессиленная, явилась домой,

она застала там предельно встревоженных дочь и зятя, которые не знали куда бежать и где её искать. А когда они увидели ведро с помидорами, разразился грандиозный скандал. Даже обычно сдержанный зять не смог смолчать.

-Неужели Вы не видите, что происходит? Идёт война. Какие сейчас, к чёрту, помидоры? Скоро нам здесь на голову будут падать снаряды. Нужно как можно быстрее уносить отсюда ноги. Хватит дурака валять. Я завтра поеду покупать билеты на поезд. Поедем в Харьков. Там проживём в Аниной квартире пока здесь не успокоится. Завтра же начнём собираться.

Но собраться не получилось ни завтра, ни послезавтра. На следующий день в их районе началась интенсивная стрельба. Лиза в это время разговаривала по Скайпу с дочерью. Аня одобрила их намерение перебраться в Харьков и рассказала, где находится ключ от её квартиры. Услышав звуки усилившейся стрельбы, Аня забеспокоилась и попросила объяснить, что происходит. В ответ она услышала страшный грохот и крик отца:

-На пол, на пол, ложись на пол!

Позже выяснилось, что это открыла стрельбу стоящая возле дома установка «Град». Этот неожиданный грохот вызвал у Лизы шоковую реакцию. Она потеряла сознание. Уже в больнице у неё был диагностирован инфаркт. Об отъезде из города в ближайшее время не могло быть и речи. В последующие дни Виктор с тещей в промежутках между стрельбой бегали по очереди в больницу к Лизе. Там помимо гражданских лиц было немало раненых. Как-то в коридоре больницы, пропуская группу медработников, Наталья Семёновна задержалась у открытых дверей в палату с ранеными. Она почувствовала на себе чей-то взгляд. Он её буквально притягивал к себе. Не отдавая себе отчёта, она шагнула в палату и увидела молоденького парнишку. Его глаза выражали глубокое страдание. Судя по складкам на одеяле, у него не было обеих ног, а налёт на губах свидетельствовал о том, что у него жар.

-Худо мне, мамаша, очень худо, - проговорил парнишка.

-Сейчас, миленький, сейчас, дорогой, я тебя напою.

Дрожащей рукой она налила в стакан немного морса, который она несла дочери, и принялась поить раненого, поддерживая его голову рукой.

-Откуда ты, мальчик? - спросила она.

-Из Пскова.

- А как тебя сюда занесло?

-Послали.

В это время в палату ворвался медработник и, грубо обругав, выгнал Наталью Семёновну из палаты. Тем временем обстановка в больнице ухудшилась. Количество раненых продолжало всё возрастать, и администрация вынуждена была избавляться от лежащих в больнице гражданских лиц. Сначала выписывали выздоравливающих, а потом принялись и за всех остальных. Отправили долечиваться домой и Лизу. Она была в таком состоянии, что увезти её из Донецка было невозможно, но и оставаться в своей квартире было тоже нельзя. Дома Виктора и тещи находились в зоне активного военного противостояния. Стрельба велась с обеих сторон, от грохота выстрелов тряслись стены. В результате прямого попадания в соседнем доме разворотило стену. К счастью, в это время у товарища Виктора сестра уехала с семьёй к родственникам, и он согласился пустить Виктора пожить в её квартире, которая находилась вне зоны боевых действий. Захватив самое необходимое, Виктор с женой и тещей перебрались на новое место. Но ежедневно они с тещей продолжали навещать покинутые квартиры, опасаясь, что при длительном отсутствии хозяев квартиры могут быть разграблены многочисленными мародёрами. Во время одного из таких посещений неугомонная теща продемонстрировала Виктору ряд сверкающих банок с законсервированными томатами. Тому осталось только развести руками.

Через некоторое время самочувствие Лизы улучшилось настолько, что можно было начать готовиться к отъезду из Донецка. К сожалению, благоприятное для этого время было упущено, и выбраться из Донецка стало совсем непросто. Конечно, лучше всего было бы ехать на своей машине. И комфортней, и вещей можно взять побольше. Однако, это сейчас стало делом весьма рискованным. По дороге могли ограбить, забрать машину или просто убить. Таких случаев было уже немало. Этим занимались и казаки, и чеченцы, и вообще всякий сброд, мародёры, которых в это смутное время расплодилось очень много. Безопасней было бы ехать по железной дороге. Но поезда от Донецка уже не ходили. Ещё можно было уехать из Ясиноватой, но и туда надо было как-то добраться. Так как других вариантов больше не было, решили ехать в Ясиноватую. Виктор договорился со знакомым таксистом. Он когда-то работал в бригаде тестя, но, когда заработки на заводе упали, он ушёл работать механиком в автопарк и со временем стал таксистом. Времени на сборы не было. Ключи от квартир и машину Виктор оставил на хранение другу и двинулись в путь. Таксист был человеком опытным, и они, объезжая блок-посты, быстро добрались до

Ясиноватой. Но уже издали было видно, что там идёт горячее сражение. Встречные автомобилисты сказали, что железнодорожное сообщение прервано. Услышав это, женщины дружно зарыдали. Виктор принялся умолять таксиста, чтобы он отвёз их в Харьков. Тот долго отказывался, но потом, махнув рукой, сказал:

-Ладно, поехали. Только ради памяти Михал Петровича.

Но при этом он оговорил немалую цену. Виктору пришлось согласиться. Ехали долго, по просёлочным дорогам, стараясь объезжать известные водителю блок-посты. И всё же их несколько раз останавливали, проверяли документы, дотошно осматривали салон и багаж. Но, видя, что едут пожилые люди, их не задерживали. Наконец, они добрались до украинского блок-поста. Там их тоже проверили и пропустили. Проехав ещё несколько километров, водитель остановил машину, вытер пот со лба, перекрестился и произнёс:

-Вот теперь можно и закурить!

Он достал пачку импортных сигарет и угостил Виктора.

-Слушай, ты богато живёшь! - проговорил Виктор, с наслаждением выпуская струю дыма.

-Это Нинка, ваша соседка, расплатилась со мной сигаретами. Её сынок Толик со своими дружбанами грабанули магазин и натаскали ей гору всякого добра. Но хлопцу немного не повезло. Они что-то не поделили с другими мародёрами, и во время перестрелки его прилично зацепило. Сейчас он отлёживается в больнице.

Виктор с женой многозначительно переглянулись, но промолчали.

Дальнейшая поездка прошла без особых осложнений. Несколько раз их останавливали, проверяли документы и отпускали. Приехав в Харьков, они подумали, что попали на другую планету. Город жил спокойной мирной жизнью. Даже не верилось, что совсем рядом идут кровопролитные бои. Расплатившись с водителем, забрали ключи у Аниной соседки и вселились в квартиру. Им удалось быстро оформить необходимые документы и получить пенсии.

-Ну, вот, - подумал Виктор, - теперь уже и официально мы признаны беженцами. Можно перевести дух и подвести промежуточные итоги. Мы потеряли работу, две квартиры, дачу, машину, почти всё нажитое за долгие годы имущество, здоровье и, главное, Михаила Петровича. Слава Богу, остальные живы и, хоть временно, мы имеем крышу над головой, чего нет у многих наших товарищей по несчастью. На три пенсии можно будет как-то

выживать. Да и дочь с зятем, будем надеяться, не оставят нас без поддержки. Что ж, начинается новый этап нашей жизни. Пока мирный. Как надолго, один Бог знает. А нам остаётся продолжать жить и надеяться на лучшее.

ВАЛЕРИЙ НИСНЕВИЧ